

А.К. Дживилегов, С.П. Мельгунов, В.И. Пичет

**Отечественная война и русское общество
1812-1912 гг**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

А11 **А.К. Дживилегов**
Отечественная война и русское общество 1812-1912 гг: Том 1 / А.К. Дживилегов, С.П. Мельгунов, В.И. Пичег – М.: Книга по Требованию, 2023. – 290 с.

ISBN 978-5-458-24358-2

Отечественная война - один из самых драматических и самых значительных по последствиям моментов русской истории. В ней все захватывает и все заставляет работать научную мысль. В ней и в событиях, которые в ней развернулись, найдут неисчерпаемый кладезь и художник, и социолог, и политик, и дипломат. Ибо она заставляла разыгрываться стаям, высоким и низменным, она производила перемены в общественном строении общества, она положила начало определенному течению и во внутренней, и во внешней политике России.

ISBN 978-5-458-24358-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Мы знаемъ, что одновременно съ тѣмъ, какъ мы готовили свою книгу, надъ работами, посвященными Отечественной войнѣ, сидѣли и другіе. Намъ извѣстно, что въ числѣ этихъ работъ будутъ такія, которыя постараются разбудить въ читателѣ низменные шовинистическія чувства. Мы не станемъ на этотъ путь. Наша цѣль — дать книгу, объективную въ полномъ смыслѣ слова, — такую, которая, воздавая должное русскому и русскимъ, не дѣлала бы изъ quasi-патріотическаго ликованія издѣвательства надъ французами и ихъ невольными союзниками по «великой арміи». И тѣ и другіе слишкомъ дорогою цѣною заплатили за безумство Наполеона. Ихъ мужество, ихъ благородныя страданія, ихъ трагическая судьба въ 1812 году — плохой предлогъ для шовинистическихъ изліяній. Пусть другіе заслуживаютъ свои сомнительные лавры на этомъ пути. Мы будемъ удовлетворены, если русское общество признаетъ, что книга добросовѣстно старалась нарисовать вѣрную картину Отечественной войны, поставленной въ правильныя историческія рамки.

* * *

Научное изученіе эпохи Отечественной войны представляетъ въ настоящее время серьезныя затрудненія. Правда, нельзя пожаловаться на отсутствіе работъ въ этой области, но едва ли существующіе труды возможно признать вполне удовлетворяющими требованіямъ научнаго изслѣдованія. Да и относительно матеріала они въ большинствѣ случаевъ оставляютъ желать многого, такъ вновь опубликовываемые, подчасъ очень случайные документы показываютъ, насколько односторонне старые матеріалы освѣщали тотъ или другой вопросъ и какое невѣрное представленіе получалось при этомъ. Къ сожалѣнію, и въ настоящее время изслѣдователь очень затрудненъ въ выборѣ матеріала. Большинство архивовъ еще совершенно не разработано и мало доступно, а между тѣмъ стоило, напр., проникнуть въ архивы нижегородскаго или вологодскаго дворянства, чтобы получить рядъ совершенно новыхъ данныхъ по исторіи дворянскихъ ополченій и роли дворянства въ эпоху 1812 года. Можно сказать съ увѣренностью, что когда начнется архивное изученіе 1812 года, то господствовавшая до сихъ поръ въ исторической литературѣ точка зрѣнія на многіе вопросы должна будетъ существенно измѣниться; и недалеко, вѣроятно, то время, когда старая литература будетъ имѣть только исторіографическое значеніе. Но въ настоящее время въ большинствѣ случаевъ приходится еще оперировать старымъ, опубликованнымъ матеріаломъ, подвергая его тому критическому анализу, безъ котораго нельзя обойтись при научномъ изученіи вопроса. И стоило иногда только прикоснуться къ нему научнымъ скальпелемъ, чтобы обнаружить всю его малую историческую цѣнность и достовѣрность. Въ особенности это приходится сказать относительно литературы мемуаровъ, написанныхъ большею частью въ пылу борьбы, и до сихъ поръ почти не подвергавшихся критико-методологическому изученію; между тѣмъ большинство прежнихъ изслѣдователей слишкомъ довѣрчиво относятся къ мемуарнымъ свѣдѣніямъ и на основаніи ихъ строятъ довольно рискованные выводы. Отсюда и пожаръ Москвы, и дворянскія

ополченія, и народная война—все это большею частью описывалось на основаніи мемуаровъ—источника неполнаго и слишкомъ субъективнаго. Подчасъ такого рода сужденія, основанныя на матеріалѣ болѣе, чѣмъ сомнительнаго достоинства, принимали характеръ какого-то догмата, критиковать который или сомнѣваться въ которомъ считалось «національной» ересью, отсутствіемъ патріотизма. И эта такъ называемая «патріотическая» точка зрѣнія, столь чуждая научной объективности, проходитъ красной нитью черезъ многія существующія работы. Отсюда сознательное замалчиваніе ряда отрицательныхъ явленій, бывшихъ въ 1812 году, и не вяжущихся съ націоналистическою точкой зрѣнія, преобладавшею въ этихъ трудахъ. Эта тенденція мѣшала спокойно относиться и къ дѣйствіямъ противника. Ею же объясняется скрытое желаніе изслѣдователей—преувеличить силы противника и уменьшить наши собственныя. Вотъ почему существующая литература иногда очень снисходительна къ ошибкамъ военачальниковъ русской арміи и строга къ ошибкамъ Наполеона.

Поэтому вся исторія похода до 1812 года требуетъ пересмотра. Опубликованные документы русскаго и французскаго генеральныхъ штабовъ открываютъ передъ изслѣдователемъ новыя перспективы, и очень возможно, что придется «совлечь одежду съ старыхъ идиологовъ», если только свободное изслѣдованіе не встрѣтитъ какихъ-нибудь неожиданныхъ препятствій.

При новой постановкѣ вопроса, конечно, вся исторія 1812 года предстанетъ передъ читателемъ въ другомъ освѣщеніи—вотъ почему нельзя изучать 1812 годъ внѣ связи съ европейскими событіями, съ которыми она связана крѣпкими нитями. И дипломатическія отношенія Россіи и Франціи при такой постановкѣ вопроса будутъ освѣщены нѣсколько по иному ¹⁾.

При наличности имѣющагося матеріала Историческая коммиссія отнюдь не могла задаваться цѣлью дать въ юбилейные дни исчерпывающую работу, которая во всеоружіи критическаго анализа дала бы окончательный отвѣтъ на всѣ вопросы.

Наша задача, какъ было сказано выше, болѣе скромная. Многіе изъ авторовъ, участвующіе своимъ литературнымъ трудомъ въ изданіи, имѣли возможность использовать новыя архивныя данныя; большинству же, конечно, приходилось оперировать съ опубликованнымъ уже матеріаломъ. И наше изданіе даетъ какъ бы сводку того матеріала, который до послѣдняго времени былъ извѣстенъ въ значительной степени только специалистамъ.

Редакція не считала себя, конечно, въ правѣ затушевывать индивидуальность воззрѣній авторовъ. При недостаточной разработанности матеріала не всегда, пожалуй, и можно было бы установить какую-нибудь одну общую точку зрѣнія. Читатель иногда можетъ усмотрѣть нѣкоторое разнорѣчіе въ толкованіи различными авторами того или иного вопроса. Это—до нѣкоторой степени неизбежное зло въ каждомъ коллективномъ трудѣ и преимущественно въ такой еще не разработанной исторической области, какъ эпоха двѣнадцатаго года. Но только такой коллективный трудъ могла предпринять и осуществить къ юбилейнымъ днямъ Историческая коммиссія.

¹⁾ Библиографическому обзору, въ связи съ вопросомъ о научномъ изученіи Отечественной войны, будетъ посвящена у насъ особая статья.

* * *

Мы должны сказать еще нѣсколько словъ по поводу иллюстраціоннаго матеріала, вошедшаго въ изданіе. Подбирая эти иллюстраціи, редакція руководилась тѣми же соображеніями, что и при подборѣ рисунковъ къ другому юбилейному изданію, вышедшему подъ редакціей Исторической комиссіи, къ «Великой Реформѣ». Мы считали нужнымъ использовать прежде всего тотъ богатый историческій матеріалъ, который заключается въ современныхъ памятникахъ быта и культуры, взять наиболее типичное для обрисовки эпохъ, затронутыхъ въ изданіи, изъ произведеній иностранныхъ и русскихъ художниковъ конца XVIII и начала XIX вѣка, наиболее яркіе, доступные для использованія образцы исторической живописи уже нашихъ дней (напримѣръ, воспроизвести цѣликомъ знаменитую наполеоновскую серію картинъ В. В. Верещагина) и, наконецъ, нѣкоторыя военныя реликвіи нашего достопамятнаго прошлаго. Въ этихъ цѣляхъ нами использованы драгоценныя коллекціи Историческаго музея въ Москвѣ, Артиллерійскаго музея въ Петербургѣ, музея П. И. Щукина, Румянцевскаго музея, Императорской Публичной библіотеки и нѣкоторыя частныя собранія историческихъ памятниковъ и художественныхъ картинъ. Используются равнымъ образомъ и нѣкоторые заграничныя альбомы, малоизвѣстныя гравюры и т. д. Если читатель встрѣтитъ со многими иллюстраціями, ему уже извѣстными, то онъ найдетъ немало и такого, что воспроизводится въ печати въ первый разъ.

Несмотря на обширность иллюстраціоннаго матеріала, находившагося въ распоряженіи редакціи, мы тѣмъ не меньше считали необходимымъ нѣкоторые моменты освѣтить картинами, написанными художниками спеціально для нашего изданія, преимущественно тѣ моменты, которые по своей яркости могли дать матеріалъ для художественнаго воспроизведенія и которые въ существующихъ художественныхъ произведеніяхъ или вовсе не нашли себѣ воплощенія или нашли воплощеніе недостаточно отчетливое. А между тѣмъ именно эти моменты могли подчасъ служить яркимъ дополненіемъ къ тексту. Такихъ картинъ будетъ въ изданіи дано около десяти. Такъ какъ къ каждой изъ нихъ дается спеціальное объясненіе, то мы здѣсь ихъ касаться не будемъ. Къ этой работѣ привлечены были художники, давшіе свои этюды въ «Великую Реформу»: Д. Г. Алексѣевъ, М. М. Зайцевъ, П. В. Курдюмовъ, акад. Н. А. Касаткинъ, акад. К. В. Лебедевъ и А. В. Моравовъ. Картины эти писались подъ наблюденіемъ съ художественной стороны Н. А. Касаткина, а съ научной (т.-е. исторической)—членовъ Исторической комиссіи: В. П. Алексѣева, С. П. Мельгунова, Б. Е. и В. Е. Сыроьчковскихъ. При совмѣстной работѣ съ художниками обращалось преимущественное вниманіе на соотвѣтствіе картинъ съ исторической дѣйствительностью, поскольку таковая могла быть воспроизведена кистью художника.

Размышляя обильный иллюстраціонный матеріалъ, предположенный для помѣщенія въ изданіи, редакція по возможности старалась, чтобы иллюстрація шла какъ бы за текстомъ, дополняя и разъясняя его. Но, правда,

это не всегда было возможно по техническимъ условіямъ печати и по соображеніямъ, вытекавшимъ изъ внѣшней архитектоники книги. Намъ приходилось лишь избѣгать грубаго расхожденія, столь частаго въ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Такіе же упреки слышали и мы по поводу «Великой Реформы», упреки въ томъ, что рисунокъ носить случайный характеръ, не имѣя непосредственнаго отношенія къ тексту. Но редакция смотритъ на рисунокъ, помѣщаемый въ книгу, не только, какъ на внѣшнюю иллюстрацію. Иногда его внутреннее содержаніе служитъ именно дополненіемъ къ тексту, характеризуетъ всю эпоху, на фонѣ которой выдвинутъ данный моментъ. Пояснимъ это однимъ примѣромъ. Въ первомъ томѣ «Отечественной войны» читатель найдетъ картину К. В. Лебедева «На аукціонѣ въ концѣ XVIII в». Имѣетъ ли эта картина какое-нибудь отношеніе къ тексту? На первый взглядъ, пожалуй, и нѣтъ. Но какой въ дѣйствительности глубокой смыслъ въ этой картинѣ, изображающей по Радищеву продажу крѣпостного семейства! Какъ разительнo противорѣчитъ она тѣмъ просвѣтительнымъ идеямъ, которыя внѣдряются въ Россіи изъ Франціи! Какъ характерна поэтому она для обрисовки истиннаго русскаго вольтерьянства! Какъ гармонируетъ, наконецъ, со статьей, трактующей отношеніе русскаго общества къ французской революціи! Таковы были наши мотивы, вызвавшіе помѣщеніе указанной картины...

Въ заключеніе редакция считаетъ долгомъ принести глубочайшую благодарность всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, содѣйствовавшимъ ей въ осуществленіи сложной работы по подбору иллюстрацій къ юбилейному изданію. И въ частности администраціи Историческаго музея въ лицѣ А. И. Станкевича и А. В. Орѣшникова, компетентными указаніями которыхъ редакціи приходилось пользоваться безпрестанно, К. С. Курзьминскаго. Мы должны высказать большую признательность и П. И. Щукину, всегда охотно предоставлявшему редакціи право пользоваться его богатѣйшими и единственными въ своемъ родѣ коллекціями старины; дирекціи Румянцевскаго музея и въ частности Ю. В. Готье и Н. И. Романову, Императорской Публичной библіотекѣ, Н. Д. Чечулину, полк. Д. П. Струкову, наконецъ В. М. Соболевскому, предоставившему редакціи для воспроизведенія много цѣнныхъ гравюръ, С. В. Петерсенъ, помогавшей по подбору иллюстрацій, И. С. Рябинину, Н. С. Какурину, дирекціи Литературно-художественнаго кружка, завѣдующимъ Педагогическимъ музеемъ при учебномъ отдѣлѣ О. Р. Т. Зн. и др.

10 іюля 1911 г.

А. Дживелеговъ.

С. Мельгуновъ.

В. Пичета.

(Портр. Рокотова; грав. Скородумова).

РОССІЯ ПЕРЕДЪ СТОЛКНОВЕНІЕМЪ СЪ ФРАНЦІЕЙ.

I. Отношенія между Россіей и Франціей до французской революціи.

Н. П. Василенко.

остоянныя сношенія Россіи съ Франціей начались поздно, — гораздо позже, чѣмъ съ другими западно-европейскими странами. Главной причиной этого являлась отдаленность Россіи отъ Франціи. Интересы политической жизни обѣихъ странъ долгое время сталкивались рѣдко. Торговья сношенія съ Московскимъ государствомъ для Франціи, не обладавшей достаточнымъ торговымъ флотомъ, представляли большія трудности и обѣщали мало выгодъ.

Серьезное значеніе отношенія начинаютъ пріобрѣтать только съ конца XVII столѣтія, наканунѣ самостоятельнаго правленія Петра I. До тѣхъ поръ они носятъ случайный характеръ.

Сначала Петръ не интересовался Франціей. Въ маршрутъ перваго его путешествія она не вошла. Впослѣдствіи же Сѣверная война и желаніе Петра I найти себѣ союзниковъ, съ одной стороны, съ другой—

опасеніе Людовика XIV, какъ бы не было нарушено политическое равновѣсіе въ Европѣ, — побуждали русскаго царя и французскаго короля къ болѣе или менѣе частымъ сношеніямъ. Завязались они въ 1701 году во время свиданія Петра I съ польскимъ королемъ Августомъ II въ м. Биржахъ, Поневъжскаго уѣзда, Ковенской губ. Туда пріѣхалъ и чрезвычайный французскій посланникъ въ Варшавѣ дю-Геронъ. Рѣчь шла о заключеніи торговаго договора. Царь требовалъ, кромѣ того, чтобы французскій король доставилъ ему возможность завладѣть какимъ-нибудь портомъ на Балтійскомъ морѣ. Людовикъ XIV хотѣлъ заручиться помощью Россіи въ борьбѣ съ Габсбургами. Переговоры ни къ чему не повели. Они только послужили толчкомъ къ дальнѣйшимъ сношеніямъ.

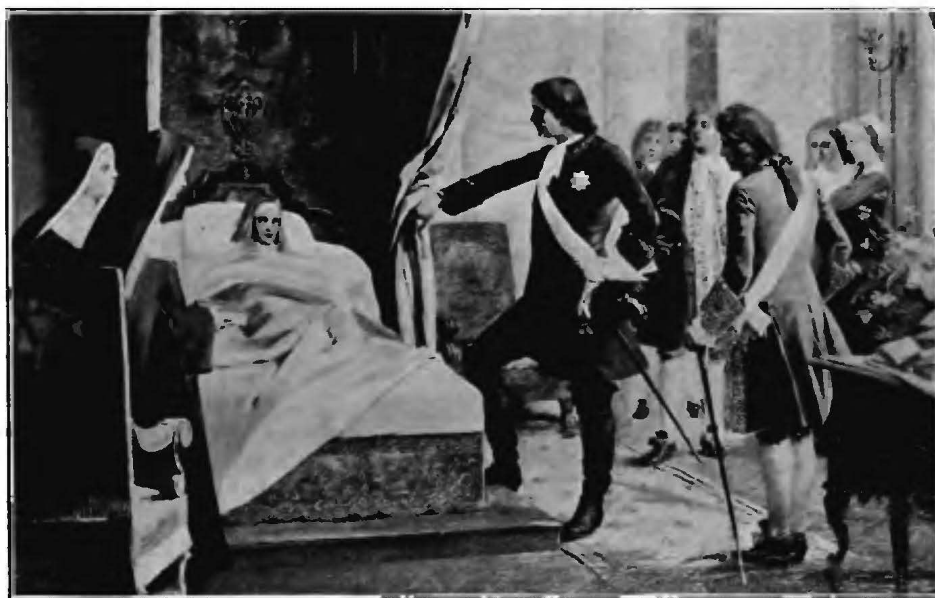
Въ сентябрь 1702 года въ Россію былъ назначенъ чрезвычайнымъ французскимъ посланникомъ де-Балюзъ. Онъ пріѣхалъ въ Москву изъ Варшавы и имѣлъ цѣлью побудить Петра I къ войнѣ съ Австріей, занять въ Россіи денегъ для французскаго короля и сообщать французскому правительству все, что касается Петра I, Россіи, русскихъ дѣлъ и отношеній. Договора съ Россіей де-Балюзу не удалось заключить. Въ іюнь 1703 года онъ былъ отозванъ. Съ 1703 года въ Парижѣ поселился русскій агентъ, безъ дипломатическаго, впрочемъ, характера, Постниковъ. Ему посылались свѣдѣнія о побѣдахъ русскихъ, а онъ доводилъ о нихъ до свѣдѣнія французскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Постникову давались порученія о покупкѣ книгъ, инструментовъ, о приглашеніи ремесленниковъ. Иногда онъ сообщалъ русскому правительству свѣдѣнія и характера политическаго.

Полтавская побѣда способствовала перемѣнѣ отношеній французскаго правительства къ Россіи. Людовикъ XIV увидѣлъ, что ему нельзя пренебрегать союзомъ и добрыми отношеніями съ государемъ, могущество котораго росло съ каждымъ днемъ. Въ 1710 году былъ посланъ въ Россію уже раньше разъ бывшій тамъ де-Балюзъ. Ему поручено было поднять вопросъ о посредничествѣ французскаго короля между Россіей и Швеціей. Но какъ разъ во время пребыванія де-Балюза въ Петербургѣ Турція въ 1711 году объявила войну Россіи. Русскій посолъ въ Константинополь, Толстой, доносилъ объ интригахъ французскаго посланника при турецкомъ дворѣ противъ Россіи. Отношенія къ де-Балюзу въ Петербургѣ поэтому рѣзко измѣнились, переговоры стали носить сдержанный характеръ, и онъ вскорѣ уѣхалъ изъ Россіи, ничего не достигнувъ.

Со времени пріѣзда въ Россію де-Балюза въ Парижѣ также находились русскіе повѣренныя въ дѣлахъ, не игравшіе, впрочемъ, серьезной дипломатической роли. Первымъ повѣреннымъ былъ Крокъ (Skroff, по французской терминологіи), но онъ умеръ въ томъ же 1711 году, въ которомъ былъ и назначенъ, не успѣвъ даже вручить своихъ вѣрительныхъ грамотъ. Его замѣнилъ Григ. Ив. Волковъ. Новому русскому повѣренному пришлось скоро убѣдиться въ большемъ сочувствіи французскаго правительства шведамъ и туркамъ, чѣмъ Россіи. Донесенія Волкова не мало также способствовали неудачѣ переговоровъ де-Балюза. Для торговыхъ дѣлъ, въ качествѣ коммерціи совѣтника, съ 1712 года жилъ въ Парижѣ Лефортъ, племянникъ знаменитаго адмирала Лефорта. Въ 1716 г. онъ получилъ офиціальное положеніе повѣреннаго въ дѣлахъ.

1 сентября (нов. ст.) 1715 г. умеръ Людовикъ XIV, вѣрный приверженецъ шведской дружбы. Въ управленіе государствомъ вступилъ въ качествѣ регента герцогъ Филиппъ Орлеанскій. Эта перемена сообщила новый характеръ отношеніямъ Россіи съ Франціей. Регентъ поспѣшилъ дать разрѣшеніе многимъ ремесленникамъ отправиться въ Россію. Двадцати русскимъ дворянамъ позволили поступить въ число французскихъ гардемариновъ.

Въ 1717 году Петръ I предпринялъ свое второе путешествіе за границу. Онъ хотѣлъ ознакомиться съ европейской политикой и пріобрѣсти новыхъ союзниковъ. По желанію Петра, русскіе уполномоченные, Головкинъ, Шафировъ и Борисъ Куракинъ, начали вести переговоры съ французскимъ посланникомъ въ Голландіи Шатонедомъ о союзѣ. Въ Парижѣ

Петръ I у Ментенонъ (Горскій).

не придавали сначала значенія этимъ переговорамъ. Въ виду этого Петръ и рѣшилъ отправиться туда лично. Кононъ Зотовъ извѣщалъ, кромѣ того, царя о возможности женить царевича Алексѣя Петровича на одной изъ дочерей регента.

Въ Парижѣ Петръ I проявилъ большую любознательность, но часто приводилъ въ большое смущеніе чопорный версальскій дворъ, нарушая на каждомъ шагѣ этикетъ. Переговоры, начатыя въ Голландіи, продолжались и въ Парижѣ. Окончены они были нѣсколько времени спустя послѣ отъѣзда Петра, но не въ Парижѣ, а въ Голландіи. Въ Амстердамѣ 4 (15) августа 1717 года былъ заключенъ договоръ между Россіей, Франціей и Пруссіей. Это былъ первый трактатъ между Россіей и Франціей. Амстердамскимъ договоромъ были гарантированы договоры утрехтскій и баденскій, закончившіе войну за испанское наслѣдство, равно какъ и тѣ, которыми будетъ прекращена Сѣверная война. Россія принимала посредничество Франціи въ Сѣверной войнѣ; Франція не должна была только

употреблять понужденіе и вступать въ новыя обязательства со Швеціей. Подданные государствъ, заключившихъ амстердамскій договоръ, должны были пользоваться выгодами наиболѣе покровительствуемыхъ націй. Въ теченіе восьми мѣсяцевъ со времени заключенія договора должны были собраться комиссары для выработки условій торговаго и морского трактатовъ. Политическія событія, однако, помѣшали этому, и самъ амстердамскій договоръ не имѣлъ того значенія, какого можно было ожидать отъ него. Ближайшимъ слѣдствіемъ его было, конечно, установленіе постоянныхъ сношеній между Россіей и Франціей.

Немедленно послѣ заключенія амстердамскаго договора 20 августа (нов. ст.) 1717 г. русскимъ полномочнымъ министромъ былъ назначенъ баронъ Шлейницъ, бывшій до тѣхъ поръ представителемъ Россіи при ганноверскомъ дворѣ. Но Петръ, повидимому, не особенно довѣрялъ иностранцу. Въ іюль 1720 года въ Парижъ былъ посланъ поручикъ гвардіи гр. Платонъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ, которому вѣльно было дѣйствовать секретно отъ Шлейница. Въ августѣ 1720 года чрезвычайнымъ посланникомъ въ Парижъ былъ назначенъ князь Вас. Лук. Долгорукій, который замѣнилъ Шлейница въ началѣ 1721 года. Князь Долгорукій оставался въ Парижѣ до іюля 1722 года. На его мѣсто, но безъ officialнаго характера, назначили молодого кн. Александра Бор. Куракина, а въ 1723 году также молодого гр. Александра Гавр. Головкина, сына канцлера. Но въ 1724 году Петръ нашелъ необходимымъ ввѣрить дипломатическій постъ въ Парижъ старому и опытному дипломату кн. Борису Ивановичу Куракину, бывшему до тѣхъ поръ русскимъ посланникомъ въ Голландіи и принимавшему участіе при заключеніи амстердамскаго договора. Кн. Б. И. Куракинъ оставался въ Парижѣ до октября 1727 года.

Что касается французскихъ представителей въ Россіи, то еще при жизни Людовика XIV въ 1714 году въ Петербургъ былъ посланъ де Лави въ качествѣ консула. Швеція протестовала. Появленіе французскаго консула въ Петербургъ, по ея мнѣнію, было бы равносильно признанію со стороны Франціи завоеваній царя. Званіе консула де Лави officialно получилъ поэтому только послѣ Ништадтскаго мира. Онъ очень дѣятельно, хотя и безуспѣшно, старался въ пользу заключенія торговаго договора между Россіей и Франціей и указывалъ своему правительству на выгоды отъ такого договора. Де Лави пробылъ въ Петербургѣ до 1724 года.

Въ 1718 году французское правительство намѣтило чрезвычайнымъ посланникомъ въ Россію де Вертона, но посольство его не состоялось. Вмѣсто него дипломатическіе интересы Франціи при русскомъ дворѣ были поручены французскому посланнику въ Швецію де Кампредону. Главными вопросами дипломатическихъ сношеній между Россіей и Франціей въ это время было посредничество Франціи при заключеніи мира со Швеціей, вопросъ объ императорскомъ титулѣ русскаго царя и о бракѣ дочери Петра, Елизаветы Петровны, съ однимъ изъ членовъ французскаго королевскаго дома.

Въ дѣляхъ переговоровъ о мирѣ Кампредонъ ѣздилъ изъ Стокгольма въ Россію. Франція отстаивала интересы Швеціи, и выгоды для Россіи Ништадтскаго мира, закончившаго Сѣверную войну, вовсе не были резуль-

татомъ французскаго вмѣшательства. Они были обусловлены исключительно успѣхами русскаго оружія.

Послѣ Ништадтскаго мира Кампредонъ въ 1721 году сдѣлался полномочнымъ министромъ при русскомъ дворѣ. До того времени онъ стоялъ на сторонѣ Швеціи; теперь же сдѣлался ревностнымъ сторонникомъ франко-русскаго союза. Благодаря содѣйствію Кампредона, 12 іюня 1724 г. былъ заключенъ русско-турецкій договоръ, которымъ предотвращена война между Россіей и Турціей и разграничены ихъ владѣнія на Кавказѣ; Кампредонъ старался также помирить русскаго императора съ англійскимъ королемъ. Въ Парижѣ, однако, не дѣлили такой политики и довольно равнодушно относились къ дружбѣ съ Россіей.

Первый реверансъ (Пашъ).

Кромѣ дипломатическихъ отношеній, видную роль въ сношеніяхъ между Россіей и Франціей въ концѣ царствованія Петра играли проекты о выдачѣ Елизаветы Петровны замужъ. Проекты эти стали возникать со времени посѣщенія Парижа Петромъ I. Въ 1721 г. кн. Долгорукому было поручено хлопотать о бракѣ Елизаветы Петровны съ королемъ Людовикомъ XV. Когда узнали, что король помолвленъ съ испанской принцессой, возникъ проектъ выдать замужъ Елизавету Петровну за герцога Шартрскаго, старшаго сына регента. Дѣло, повидимому, налаживалось, но смерть регента въ 1723 г. разрушила надежды, и Петру такъ и не удалось выдать свою дочь за французскаго принца. Не удалось ему заключить и торговый союзъ съ Франціей. Съ появленіемъ во Франціи у власти герцога Бурбонскаго, французское правительство стало болѣе интересоваться сближеніемъ съ Англійей, чѣмъ союзомъ съ Россіей. Франція попрежнему упорно отказывалась признать за русскими государями императорскій титулъ и признала его только въ 1745 году.

Преемница Петра Екатерина I и Меншиковъ были склонны къ союзу съ Франціей. Когда бракъ Людовика XV съ испанской инфантой разстроился, снова оживилась надежда выдать Елизавету Петровну за французскаго короля. Но герцогъ Бурбонскій женилъ его на дочери Станислава Лещинскаго. Послѣ этого рука Елизаветы Петровны была предложена самому герцогу Бурбонскому. Онъ, однако, отклонилъ предложеніе.

Эта обида, съ одной стороны, поддержка, оказанная Франціей и Англіей Даніи противъ Голштиніи, гдѣ царствовалъ зять русской императрицы, — съ другой — вызвали замѣтное охлажденіе въ отношеніяхъ между Россіей и Франціей и повели къ важному шагу въ европейской политикѣ. Австрійская партія съ Ягужинскимъ во главѣ взяла при русскомъ дворѣ перевѣсъ. Кампредону послѣ этого нечего было дѣлать въ Петербургъ, и онъ 31 мая (нов. ст.) 1726 года покинулъ русскую столицу, оставивъ въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ своего секретаря Маньяна. Вскорѣ послѣ этого 6 августа 1726 года русскій посланникъ въ Вѣнѣ Ланчинскій подписалъ оборонительный и наступательный союзъ съ Австріей. Это было событіе первостепенной важности, оставившее крупныя слѣды въ европейской политикѣ не только XVIII, но и XIX столѣтія. Европа послѣ этого раздѣлилась на два противныхъ лагеря. На одной сторонѣ стояли Австрія и Испанія, поддерживаемыя Россіей, на другой — Франція, Англія и Голландія.

Маньянъ не получилъ вѣрительныхъ грамотъ и ограничивался только донесеніемъ своему правительству обо всемъ, что происходило въ Россіи. Ни въ какія отношенія съ русскимъ правительствомъ въ царствованіе Екатерины I и Петра II онъ не вступалъ. Въ такомъ же положеніи находились и русскіе представители во Франціи — до 1727 года кн. Борисъ Ив. Куракинъ, съ 1727 г. по 1731 г. сынъ его Александръ Бор. Куракинъ и, наконецъ, съ іюля 1731 года гр. Эрнестъ Минихъ.

Въ царствованіе Анны Ивановны, когда во главѣ русскаго правительства стояли нѣмцы, не могло быть и рѣчи о франко-русскомъ союзѣ. Противъ него былъ руководитель иностранной политики Россіи Остерманъ. Кромѣ того, Россія съ Франціей столкнулись въ польскомъ вопросѣ. Въ 1733 году умеръ польскій король Августъ II. Франція провела избраніе на польскій престолъ тестя французскаго короля Станислава Лещинскаго. Россія и Австрія оспаривали это избраніе. Французское правительство отозвало изъ Россіи Маньяна, который передалъ было свои бумаги консулу Вилардо; но вскорѣ, когда началась война Россіи съ Польшей, былъ отозванъ и Вилардо. Всякія сношенія между Франціей и Россіей прекратились. Станиславъ Лещинскій былъ осажденъ русскими войсками въ Данцигъ. Франція оказала ему помощь, но не спасла для него тронъ. Данцигъ былъ взятъ русскими войсками, Станиславъ Лещинскій бѣжалъ, много французовъ попало въ плѣнъ къ русскимъ. Подъ давленіемъ Россіи и Австріи польскимъ королемъ былъ избранъ Августъ III.

Во время осады Данцига французское правительство рѣшило путемъ дипломатическихъ переговоровъ сохранить престолъ для Станислава Лещинскаго. Въ этихъ видахъ въ Петербургъ былъ посланъ аббатъ Ланглуа, подъ именемъ итальянца Бернардини. Ему поручено было тайно развѣдать о настроеніи русскаго двора и заключить съ Россіей трактаты и